

О Театре на Таганке, цензуре и отношениях с Юрием Любимовым и Владимиром Высоцким

<http://oralhistory.ru/talks/orh-2034>

20 июня 2016

Собеседник

Дупак Николай Лукьянович

Ведущий

Сейбиль Наталья Владимировна

Дата записи

Беседа записана 20 июня 2016 и опубликована 15 мая 2019.

Введение

Четвертая беседа с актером Николаем Дупаком посвящена Театру на Таганке. Николай Лукьянович рассказывает о своем назначении директором театра и интригах в труппе. Актер вспоминает, как он познакомился с режиссером Юрием Любимовым и предложил работу в Театре на Таганке Любимову и всем участникам спектакля «Добрый человек из Сезуана». Дупак рассказывает о цензуре, запретах на постановки и сотрудничестве с Екатериной Фурцевой и другими чиновниками. Кроме того, он вспоминает, как в Театре на Таганке появились молодые поэты Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский и Владимир Высоцкий.

Театр Станиславского. Спектакль «Юность вождя»

Наталья Владимировна Сейбиль: Значит, сегодня у нас 20 июня 2016 года. Николай Лукьянович, мы с вами закончили на том, что вы получили направление в Театр на Таганке. В смысле, что вас отправили работать директором Театра на Таганке.

Николай Лукьянович Дупак: А нет, не отправили меня. Это неверно. Коллектив Театра Станиславского хотел, чтобы я был директором Театра Станиславского, после того как Василий Иосифович Гвелесиани, замечательный директор, после трагических событий ушел в лучший мир на гастролях Театра Станиславского в Куйбышеве. Ну, я вам рассказывал.

Это Евгения Афанасьевна Соловьёва и Матвеев Леонид Иванович. В горкоме был отдел культуры. Вот они меня пригласили. Думал, что они согласятся с мнениями коллектива и сделают меня директором Театра Станиславского, а меня стали убеждать, что в своем отечестве нет пророков, что вам будет трудно, лучше другой коллектив. Натолкнул меня согласиться с мнениями горкома партии уход Михаила Михайловича Яншина на основную работу в Художественный театр. То, что стариков осталось очень мало, и они тогда потрясающий спектакль поставили. Все-таки хотели, чтобы Яншин работал во МХАТе, а Театр Станиславского передали Львову-Анохину, молодому режиссеру, очень талантливому. К великому сожалению, заменить ни Яншина, ни режиссера и потрясающего актера Дикого... В театре была замечательная атмосфера, а вот в тот период, когда менялось руководство, направление, спектакли и все это... Потом, уже после меня, они пошли совсем другой дорогой, товарищи!

Ну и мои друзья просили... Друзья — прежде всего это Петя Глебов, Аркадий Кругляк, Левушка Елагин, Галикс Колчицкий, Женя Урбанский, Женя Шутов, Женя Весник. Вот это была у нас... Не говоря о Лиле Гриценко. Режиссер Борис Иванович Равенских. Сначала он в Сатире, потом в Малом театре был главным. То есть школа Театра Станиславского... Потом туда же в Малый театр перешел и Весник. Вы сами понимаете, какие люди были объединены в один коллектив. И потом потихонечку с уходом Яншина, с уходом Кедрова все становилось совсем... Занимал другую позицию.

Я вспоминаю, рассказывал ли вам или нет. Это трагические для нас события Театра Станиславского в Риге. Рассказывали? Проходили мы про Ригу? Как я водил артистов, будучи секретарем партийной организации, в церковь на...

Н. С.: Нет.

Н. Д.: На праздники. Мне очень за это влетело. Единственное мое спасение, когда на бюро обсуждали, какой я нехороший руководитель и нехороший секретарь партийной организации, куда я веду молодежь, единственное оправдание — вот мне играть священника. Что я буду выдумывать, когда он стоит передо мной, что он читает... В то время все-таки сложные времена переживала церковь, в 40-е — 50-е годы. И я сказал, что артист должен все увидеть своими глазами: и как читается молитва, и как причащаются, и как... Потому что в спектакле «Юность вождя» потрясающе... Такие слова я употребляю — «потрясающе»... Это слово как-то определяет, что это был за спектакль.

Н. С.: Это в Театре Станиславского.

Н. Д.: Театр Станиславского. Попасть на «Юность вождя»...

Н. С.: А «Юность вождя» — какой вождь имелся в виду? Сталин или Ленин?

Н. Д.: Нет, имелось в виду о Сталине. Я играл Мишу Давиташвили, друга. Спектакль был выдвинут на Государственную премию. Мы, кажется, это снимали уже. Да? Или нет? Не помните?

Н. С.: Нет. Вы про этот спектакль не рассказывали.

Н. Д.: Этот спектакль, который мы... В Ленинград приехали. В Театре Ленсовета (большой театр) с аншлагами этот спектакль шел. В связи с тем, что спектакль имел большой успех, Иосиф Виссарионович изъявил желание посмотреть этот спектакль. Мы провели репетиции и показали спектакль в филиале Московского Художественного театра. Многие сцены... Ружья убрали мы, раньше мы из ружей стреляли в этом спектакле, как и в «Десяти днях, которые потрясли мир», а тут пришлось использовать мосфильмовскую бочку, где патроны, молоточком бьешь — и выстрелы, стрельба. Если я это вам не рассказывал, конечно, это было очень яркое событие. Есть статья, если вам будет интересно, об этом спектакле. Есть даже моя статья. Есть в книге о Петре Глебове — дочки написали о Петре Глебове, фантастически интересном человеке.

Мы с ним дружили с 45-го года, когда они пришли из армии — это и Колчицкий, и Елагин, и Петя Глебов, и Аркашка Кругляк. Они отвоевали, оборону Москвы держали. Была очень любопытная, интереснейшая команда. Когда возник вопрос о том, что от нас уходит во МХАТ Кедров... В основном эту студию вел Михаил Николаевич Кедров. Это самый любимый ученик Константина Сергеевича Станиславского. Это была студия оперно-драматическая. Это последнее детище Константина Сергеевича Станиславского, где отделением театральным руководил Кедров Михаил Николаевич, а оперной студией — Голованов. Ставились такие спектакли, как «Сорочинская ярмарка», «Ромео и Джульетта», «Гамлет». Во время войны было принято решение сохранить студию, и их эвакуировали в Алма-Атинскую¹ какую-то...

¹ Оперно-драматическая студия Станиславского была эвакуирована в Узбекистан.

Переход в Театр драмы и комедии

Н. С.: Мы с вами про Театр Станиславского так подробно уже все записывали, а в прошлый раз вы уже начали рассказывать о том, как вы пришли в Театр на Таганке.

Н. Д.: Ну, на Таганке... Я уже рассказывал что-то. Приняли меня в горкоме партии Соловьёва и этот, из руководителей культуры, предложили мне... Во-первых, выразили удовольствие, что я дал согласие стать директором Театра Станиславского. Когда я дал согласие стать директором, меня стали уговаривать, что вам будет очень тяжело, что вы друзья, что должна быть все-таки дистанция между работодателем и исполнителями и так далее. Я сказал тогда: «А какой на сегодняшний день...» Я о Гагановой рассказывал вам?

Н. С.: Я не помню.

Н. Д.: Гагановские ткачихи, гагановское движение, которое приняло решение идти в самую отсталую бригаду и из этой бригады сделать самую передовую.

Н. С.: А, да, понятно. И поэтому вы спросили, какой самый сложный.

Н. Д.: Вот, у нас был такой порыв, позыв из чего-то не очень совершенного конфетку сделать. Значит, чтобы немножко вселить в театр, в искусство яркости в пьесе, в музыке и так далее. Нам казалось, что очень это все интересно. Когда они изъявили опасение, что в Театре Станиславского мне будет очень трудно среди своих друзей руководить, и после того, как я принял участие в репетициях спектакля «Палуба», я понял, что тот театр, который был, очень трудно сохранить. Потому что и актеры некоторые стали смотреть на сторону после ухода Яншина. В Риге пошли звонить Михаилу Михайловичу. Значит, как быть? Ну, такой техники не было. Мы договорились, что он будет записывать то, что я говорю, а потом по этому будем восстанавливать, что он сказал, потому что вот так не слышно же — вот телефонная трубка, вот так мы разговаривали. Я высказал пожелание, что коллектив театра хотел бы все-таки, чтобы вы остались художественным руководителем, что мы готовы на то, чтобы вы выделили свое время и МХАТу, и Станиславского детищу. В общем, вот в таком плане, но он сказал, что все-таки он сорок лет отдал Художественному театру, остались старики, которые тоже очень хотят сохранить то, что создал великий Станиславский, а с Театром Станиславского — придут люди другие... Львов-Анохин, он известный режиссер, молодой режиссер.

Н. С.: Короче говоря, Яншин ушел во МХАТ, а вы ушли в Театр на Таганке.

Н. Д.: А я тогда спросил: «Какой самый плохой театр в Москве?» Мне почему-то они сказали: «Драмы и комедии». Хотя я не считал его самым плохим, потому что было несколько очень удачных спектаклей. «Народ бессмертен» — первая премьера, которая в 46-м году, кажется, состоялась. Потом «Скандальное происшествие» — замечательный спектакль, который Бирман Серафима поставила. Был замечательный спектакль «Микрорайон», который поставил молодой режиссер Петр Фоменко, где Эйбоженко играл замечательно. А уж спектакль, который Ронинсон играл, знаменитый спектакль этого...

Н. С.: Я не знаю.

Н. Д.: Вылетело из головы. Замечательный спектакль... Так что вот та байка, которая существует: ах, какой был плохой театр, ах, какой это самое...

Н. С.: А кто на тот момент был главным режиссером?

Н. Д.: Плотников, Александр Константинович Плотников, который организовал этот театр сразу же после войны. Там были и ученики его. Там были потрясающие провинциальные актеры: и Полинский, и Бардин, и Галина Власова. Молодежь была: и Смирнов, и Эйбоженко. В общем, байка «был очень плохой театр», она неверная. Просто были интриги. Одни хотели, чтобы все-таки был художественным руководителем...

Н. С.: Любимова там пока не было?

Н. Д.: Нет, а при чем здесь Любимов?

Н. С.: То есть вы пришли в театр директором...

Н. Д.: Я пришел 2 сентября 1963 года. Я пришел работать в Театр драмы и комедии. Никакой Таганки не было. В смысле названия. Это потом уже развилась... Театр на Таганке... Я не стал придумывать, а то, что Театр драмы и комедии — Охлопков, который Театр Маяковского. Театр драмы — был Ермоловой Театр драмы. Ну, я сказал: «Ребята, чтобы нас ни с кем не путали, давайте мы точно назначим адрес. У нас станция метро „Таганская“ напротив, пятьдесят метров от театра. Магазин „Таганский“, знаменитый магазин. Площадь Таганская. И Театр на Таганке». И я писал все время: «Директор Театра на Таганке Дупак». Обязательно вышестоящее начальство «на Таганке» зачеркивало всегда. Ну, я не понял, почему это. Почему-то они все с тюрьмой Таганской... Близко и тюрьмы там не было, рядом с театром.

Отношения и интриги в труппе

И все-таки если создать историю театра, как он создавался... Вышла очень хорошая книга — вот там лежит — про первую директрису этого театра. Замечательная, очень хорошая книга. Где был нормальный синаматограф «Вулкан». Потом там спектакли были. Был филиал Малого театра. В 46-м году Александр Константинович Плотников организовал Театр драмы и комедии. Им помогли присоединить к этому театру здание банка: фойе театра — там был банк. Это до меня. Я не хочу лавры Зозулина, лавры... Там замечательный был директор... Господи, прости меня, душу грешную. В общем, все было нормально. Но были интриги в театре: одни хотели за Плотникова, старшее поколение, молодежь хотела за Фоменко, молодежь хотела за замечательного критика, который у нас читал в Ростовском театральном училище. Сурков Евгений Данилович, он читал у нас историю греческого театра, античного театра. Он потрясающий актер! Потрясающие гекзаметы Эсхила, Еврипида на память читал нам.

Н. С.: Давайте все-таки про Театр на Таганке. Вы туда пришли 2 сентября.

Н. Д.: Да.

Н. С.: И главным художественным руководителем был Плотников.

Н. Д.: Александр Константинович Плотников.

Н. С.: Да. А как получилось, что там оказался Юрий Петрович Любимов?

Н. Д.: Очень просто. Они на гастролях в Архангельске устроили собрание, вот как иногда артисты умеют устраивать собрания.

Молодежь выражала неудовольствие спектаклем, который готовил Плотников. «Лес» Леонова. Такой спектакль очень сложный, философский спектакль. И Калмыкова Евгения Петровна², кажется, жена Суркова. Она была актрисой в Театре драмы и комедии. И часто посещал Театр драмы и комедии, читал лекции, в общем, был другом Сурков Евгений Данилович. Были спектакли. Я уже называл эти спектакли.

Н. С.: Да, да.

² Калмыкова Олимпиада Трофимовна

Н. Д.: «Скандалное происшествие», «Микрорайон» и «Факир на час». Так что та легенда, которая... Вот пришел «Добрый человек из Сезуана» — и сразу... Там был театр, хорошие актеры были, спектакли хорошие были. Ну да, немножко не то, что, так сказать, современно. Хотя многие спектакли пользовались успехом. «Микрорайон» — очень острый спектакль, и «Факир на час», и «Скандалное происшествие». Потом эти спектакли шли при директоре Дупаке. И «Скандалное происшествие» — Хмельницкий играл, Демидова играла. А потом постепенно...

«Добрый человек из Сезуана» и знакомство с Юрием Любимовым

Н. С.: И все-таки расскажите, как получилось, что в театр пришел Любимов?

Н. Д.: Вступительная речь была у меня: «Я очень благодарен, что пришли на сбор труппы, что я в Театре Станиславского артист, немножко режиссер, немножко секретарь партийной организации и так далее. Но я постараюсь Театр драмы и комедии вместе с вами поднять еще на одну ступеньку. И я надеюсь, вы мне поможете в этом. Благодарю за внимание. За работу, товарищи!» Это было мое вступительное слово, когда меня представляли директором театра. Ну и началась очень интересная, замечательная трудовая жизнь. Но так случилось, что в 46-м году пришло очень большое количество сравнительно молодых актеров: и Полинский, и Бардин, и Ронинсон. И [в 60-е годы] молодежи было мало. У меня была задача пригласить в коллектив молодежь. Я смотрел Щукинское училище, смотрел Мхатовское училище. Мой сосед по дому, где я жил на Кутузовском проспекте, Лосев, директор Театра киноактера, бывший секретарь горкома комсомола... За какой-то спектакль, за какое-то мероприятие его исключили из секретарей, и он стал директором Театра киноактера. А мы соседи. Вот это его квартира, а напротив — моя квартира. И он мне говорит: «Николай Лукьянович!» Он почему-то уважительно ко мне относился. «Николай Лукьянович! Мне удалось с колоссальным трудом завтра показать спектакль Щукинское училища „Добрый человек из Сезуана“. Я смотрел — мне понравилось. Значит, ты завтра приходи. Ты один придешь или с Верой Васильевной, супругой?» Я говорю: «Оставь два места». Я пришел в Театр киноактера. Вы знаете, где находится?

Н. С.: Да, конечно. На Поварской.

Н. Д.: На Поварской. Правильно. Посмотрел. Ажиотаж, народ спрашивает билетки. Сел. Начался спектакль. Я увидел новое восприятие жизни на сцене. Совершенно по-другому, в очень любопытной, интересной форме решено. Нет настоящих декораций. «Трактир» написано. Там написано «Торговля табаком». Ну и лавки. И очень много условного. И очень много музыки. И очень много песен. Массовка вся работает потрясающе. Там песню когда они пели...

Шагают бараны в ряд,

Бьют барабаны, —

Кожу для них дают

Сами бараны.

То есть в какой-то совершенно неожиданной, острой форме. Это же был не курс Юрия Петровича. Юрий Петрович там работал как артист. Он отрывки делал, эпизоды, и вот его первое предложение... Они выучили несколько зонгов, а потом эти зонги обросли другими действиями, а потом закрутилось, закрутилось — и получился замечательный спектакль.

Сцена из спектакля «Добрый человек из Сезуана». Источник фото: РИА Новости

Н. С.: Это же Брехт.

Н. Д.: Брехт, да. Замечательный спектакль. Кузнецов играл водоноса, и Ватаев играл летчика. В общем, здорово. Мне понравилось. Я подхожу и говорю: «Слушай, Юра! Ты можешь Любимова пригласить к себе в гости?» Я знал уже, что жена Людмила Васильевна. «Вместе с Людмилой Васильевной. Ты можешь пригласить к себе в гости и потом меня с ним познакомить не где-то на ходу, за кулисами, а у тебя дома?» «Ну, — говорит, — попробую». Я пришел домой, стал готовиться к ужину, и вдруг звонок: «Николай Лукьянович, милости прошу к нам в гости!»

«Познакомьтесь. Это директор Театра на Таганке, мой сосед, актер...» — стал меня [представлять], какой я хороший, фронтовик, и прочее, прочее, прочее. «А это Юрий Петрович, режиссер».

Н. С.: А он с Целиковской пришел?

Н. Д.: С Целиковской, да. Я и просил, чтобы он пригласил. Я напрямую выразил восторг спектаклем. То, что они показали, мне было очень ново, хотя где-то это было лет двадцать—тридцать тому назад: где-то от Мейерхольда, где-то от Еврейского театра. В общем, какой-то такой коллаж: много песен, много движения, много активных действий. Ну, захватил меня этот спектакль, захватил со всеми потрохами.

Н. С.: А где тогда Любимов работал?

Н. Д.: Любимов работал артистом Вахтанговского театра, ведущий актер Вахтанговского театра.

Н. С.: И Целиковская тоже.

Н. Д.: И Целиковская. Она супруга. Очень много лет помогала Юрию Петровичу, в Театре драмы и комедии на Таганке помогала.

Н. С.: Ну, в общем, впервые вы с ним познакомились в гостях.

Приглашение Юрия Любимова в Театр драмы и комедии

Н. Д.: Познакомился с ним и говорю: «Вот я недавно назначен директором. До этого я был актером в Театре Станиславского». Он говорит: «Я видел ваш спектакль». «Любовь Ани Берёзко» — вот такой спектакль я играл в Театре Станиславского. Я говорю: «Я сейчас директор, правда, всего два-три месяца как директор театра, но у меня есть предложение. Я хочу вас пригласить работать в Театр драмы и комедии вместе с этим спектаклем. Я забираю всех, кто хочет с вами прийти в театр». — «Ну, вам не удастся». Я говорю: «Это не ваш вопрос. Это я беру на себя». — «Ну, нам уже дали сейчас ученые Дубны... Мы были у них со спектаклем, и они нам дали десять квартир, дали в собственность Дворец культуры и дали возможность жить там, репетировать и быть театром Дубны». Я спрашиваю: «Скажите, Юрий Петрович, а сколько километров от Москвы до Дубны?» — «Ну, сто километров, но сейчас это...» — «А вы знаете, с Театра на Таганке, если вы залезете на крышу, Кремль виден. Вот восемьсот метров от Кремля. Зачем вам куда-то ездить? Потом на гастроли

мы поедem в Дубну, поедem, куда Всевышний нам позволит. Я гарантирую то, что театр в тяжелом положении. Кресла плохие. Грим-уборные плохие. Декорации носят с навеса через снег, через дождь. Я постараюсь, потому что в Театре Станиславского я построил малую сцену. Мне удалось построить в театре на улице Горького...»

Н. С.: В общем, вам удалось уговорить Юрия Петровича.

Н. Д.: Я уговорил. «Что вы теряете? Если вам не понравится...» — «Вам не удастся провести реорганизацию...» — «Это не ваш вопрос. Это не ваш вопрос. Ваш вопрос — как можно большее количество участников спектакля „Добрый человек из Сезуана“ привести в Театр драмы и комедии, чтобы мы могли провести несколько репетиций и сыграть премьеру „Доброго человека из Сезуана“ в Театре драмы и комедии». Без Таганки, тогда был Театр драмы и комедии.

Н. С.: А Плотников как к этому отнесся?

Н. Д.: А Плотников... Перед этим были разные разговоры, потому что не самым лучшим... Мы поставили, репетировали спектакль «Лес» Леонова, очень трудный материал, очень трудная пьеса, и они были на гастролях в Архангельске. Там труппа на него набросилась, что надо новых режиссеров, молодых актеров. Вот такую тему провели, и командовал этим парадом Евгений Данилович Сурков, очень образованный, очень интеллигентный, очень хороший, вместе с актрисой Калмыковой. Хорошая актриса, и он замечательный. Ничего страшного. Я уговорил Лапина — был такой руководитель...

Н. С.: Который руководил телевидением.

Н. Д.: Руководитель радио и телевидения. Я уговорил всех актеров не уходить из театра, не торопиться. И так случилось, что удалось провести приказ по Управлению культуры, где назначался Юрий Петрович главным режиссером, где комиссия была. Там и Папанов...

Н. С.: Это вы перескочили, Николай Лукьянович. Я все никак не могу понять, куда Плотников-то делся?

Н. Д.: Главным режиссером радио и телевидения.

Н. С.: А, все. Вы упомянули Лапина.

Н. Д.: Он наоборот...

Н. С.: Вы его к Лапину.

Н. Д.: Спектакли сохранились. Не было такого, что «вон из Москвы, сюда я больше не...» — этого не было. Наоборот, я все время уважительно относился и к нему, и ко всем старикам. Никого не уволил. Никого! Пятьдесят человек штат у нас был, а мы держали в штате семьдесят пять человек. Мне выговоры давали бесконечные, но удавалось...

Н. С.: Все, я поняла.

Н. Д.: Несколько актеров сами попросили перевести их на пенсию и на разовую оплату: Полинский, муж Власовой (жена работает), Хоцанов. То есть несколько актеров мы перевели на пенсию — я выхлопотал всем по максимуму — и перевели на разовую оплату. Играет он спектакль — получает, проводит репетицию — получает. Все были довольны. И молодежь была довольна, и старики были довольны. И потом раскрутили ремонт...

Обновление труппы и репертуара

Н. С.: Понятно. Николай Лукьянович, значит, приходит Любимов со спектаклем «Добрый человек из Сезуана».

Н. Д.: Да.

Н. С.: А Фоменко еще на тот момент тоже в театре?

Н. Д.: В театре. Все в театре. И Фоменко в театре, и Губенко в театре, и все актеры, и Хоцанов, и...

Н. С.: Вы перечислили. А кого привел с собой Любимов? Вот «Добрый человек из Сезуана».

Н. Д.: Всех участников спектакля, кроме Кузнецова, который остался в Театре Вахтангова, Ватаева, который уехал в Кабардино-Балкарию. Кузнецов играл водоноса, а Ватаев — летчика. Потом водоноса — Эйбоженко...

Н. С.: А перечислите тех, кто все-таки пришел с Любимовым?

Н. Д.: Ну, это надо взять... Двадцать пять человек пришло с Любимовым. Славина...

Н. С.: Демидова.

Н. Д.: Петров, Васильев, Хмельницкий, Кузнецова и так далее. Ну, поглядите по репертуару, и я вам отмечу, кто пришел с Любимовым. Но и до Любимова же еще пришли очень многие. Та же Инна Ульянова до Любимова пришла из ленинградского театра, замечательная, царство небесное.

Н. С.: Да-да, прекрасная.

Н. Д.: Мы неталантливых не держали. Не держали.

Н. С.: Она, конечно, фантастическая.

Н. Д.: Создавали условия для творчества.

Я считаю, задача директора и руководителя — создать условия для творчества, чтобы людям интересно было: и спектакли, и гастроли, и квартиры, и дачи. Заботиться надо об актерах.

Труппа Театра на Таганке. Москва, 1968. Источник фото: rg.ru

Н. С.: Николай Лукьянович, Любимов пришел... Вот когда состоялась премьера в Театре драмы и комедии, тогда еще не Таганке, «Доброго человека из Сезуана»?

Н. Д.: Ну, 23 апреля³, кажется, в следующем...

³ 23 апреля 1964 года

Н. С.: 23 апреля. А дальше?

Н. Д.: А дальше — следующий спектакль.

Н. С.: А следующий спектакль?

Н. Д.: Следующий — «Скандальное происшествие». Кстати говоря, ввели Хмельницкого на место Шворина, Демидову тоже ввели вместо замечательной актрисы... И шел спектакль «Микрорайон», где Смирнова играла, Додина играла, и Эйбоженко потрясающе играл. Мы очень органично вошли, без всяких революционных преобразований, которые сейчас творятся в стране. Все были довольны.

Н. С.: А что следующее начал Любимов репетировать?

Н. Д.: Следующее начал — «Герой нашего времени». Попросили нас выпустить спектакль к юбилею «Героя нашего времени». И там уже параллельно к 19-летию Победы.... Это какой год у нас?

Н. С.: Это 64-й.

Н. Д.: Ну вот, в 64-м году вот то, что я сейчас рассказываю о том, как мы создали спектакль «Павшие и живые». Это уже вот та тема, которая для меня самая главная. «Павшие и живые», «А зори здесь тихие», «У войны не женское лицо»...

Н. С.: Но «У войны не женское лицо» было значительно позже.

Н. Д.: Я говорю о театре. Я называю «У войны не женское лицо» — это тема жизни нашего народа в период Отечественной войны. Я считал, что это самое главное: людям рассказать, как жили, как дружили, как были мы.

...как впопыхах

Плохие песни мы сложили

Об удивительных делах.

Мы были всякими, иными,

Не очень умными подчас.

Мы наших девушек любили,

Ревную, мучась⁴...

⁴ Вольная цитата стихотворения Павла Когана.

Ну и так далее. Я вам могу полтора часа читать стихи наших поэтов. Я уже, наверно, читал вам, как к 19-летию Победы удалось собрать — уверен, этого никто не делал, — всех поэтов-фронтовиков. Вы не представляете, как выглядели среди этих маститых фронтовиков пацаны Евтушенко, Вознесенский. Мальчики по двадцать три-двадцать пять лет. И сейчас уже столько ушло в лучший мир. И что творится с искусством! Что творится с народом! Как мы были счастливы, когда кончилась война! И как мы огорчены, что творится сегодня...

Екатерина Фурцева и концерт к 100-летию Ленина

Н. С.: Николай Лукьянович, расскажите все-таки дальше про Театр на Таганке. Когда он стал таким? Когда в него стало невозможно попасть уже? То есть это с первого спектакля, с «Доброго человека из Сезуана» невозможно было?

Н. Д.: Нет. Все спектакли, которые... Не пропускали «Павшие и живые», допустим, репертком... Раньше была цензура. Кстати говоря, я активно ратую за цензуру. Потому что цензура должна формировать у народа добрые, хорошие настроения человеколюбия, а не человеконенавистничества.

Н. С.: Сколько Театр на Таганке нахлебался от цензуры! Сколько не принимали спектаклей!

Н. Д.: Ну это слава Богу! Если бы все принимали, не было бы спектаклей. Кстати говоря, я столько выговоров, столько снимали с работы...

Н. С.: А расскажите о Екатерине Алексеевне Фурцевой.

Н. Д.: Ой, это моя любовь. Екатерина Алексеевна Фурцева — удивительная, удивительная женщина. Как ей было трудно, вы не представляете! Как ее не понимали! Как она хотела, чтобы был мир! Как ее шпигали за Таганку, еще за каких-то поэтов... Я лично с нежностью, с сердечностью, с любовью отношусь к Екатерине Алексеевне. Она ведь нам поручила провести 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Нам провести государственный спектакль, концерт. Любимов — художественный руководитель, Энар Стенберг — художник наш, и директор всего этого зрелища — директор Дупак. Ведь мы же такую придумали акцию, потрясающую акцию. Где проводить? В Большом Кремлевском дворце. Поехали в Большой Кремлевский дворец втроем: Любимов, Стенберг и Дупак. Дупак — директор этого зрелища, концерта к юбилею Ленина.

Н. С.: Это 70-й год соответственно.

Н. Д.: Да. Плюс нам поручили провести демонстрацию. Я организовал кавалерию, я организовал тачанки, я организовал все это. Мы показали действительно, как это было, как совпало все это, как революция, как многие вещи, которые хорошие, которые плохие... Все, все, все было в нашем сценарии. Могу, кстати говоря, показать, потому что какие-то отрывки валяются у меня до сегодняшнего дня, и я очень жалею, что этого не случилось. Затрачено столько творческого, столько нового, необходимого, что... Ну, приехали во Дворец съездов. Значит, так. «А можно все кулисы...» Знаете кулисы, падуги, да?

Н. С.: Конечно.

Н. Д.: «Все падуги, кулисы убрать можно? Сколько это времени?» — «Ну, полтора часа». — «Хорошо, мы пойдем пообедаем за полтора часа. Вы уберете все: кулисы, падуги. Все снять! И теперь скажите: там же оркестр поднимается, оркестровая яма поднимается. Вы можете нам продемонстрировать, поднять?» — «Ну, можем». — «Сколько вам времени нужно?» — «Ну, час». — «Хорошо». Пошли в кремлевский буфет, покушали, приходим. Ё-моё! Какое потрясающее зрелище! Какая перспектива! Ну, не двести метров там, не сто метров, а бесконечность. И эти переходы, мостики, пожарные сигнальщики, это бесконечно... Видите, вот там крыша над домом? Вот приблизительно такое расстояние. Мы сидим в зрительном зале, а расстояние — пятьсот метров. Наверное, может, даже и больше. «А теперь можете вы поднять сцену?» Сцена поднимается, оркестровая яма и оркестр опускаются и поднимаются. «А ну-ка, продемонстрируйте». Продемонстрировали. Юрий Петрович говорит: «Вот под музыку „Аппassionата“, любимое произведение Владимира Ильича Ленина. Рихтер Святослав Теофилович будет играть на рояле, и будет все подниматься. Потрясающая перспектива всего вот этого. Замечательно. А потом идет Румянцев, Румянцев с ослом...» Карандаш, Румянцев — знаете, комик из цирка? «И начинает разговаривать про жизнь, про революции рассказывает, как это все...» Ну, фантастика.

Значит, все это доложили (*стучит*), что издевательством занимается и над этим, и над этим. Екатерина Алексеевна приглашает нас к себе. Присутствует Рындин, художник знаменитый, и присутствует режиссер... Он обычно все концерты, фестивали ставил. Не могу сейчас вспомнить. И вдруг для нас неожиданно она говорит: «Юрий Петрович, я пригласила ваших друзей и товарищей, которые уже не раз проводили эти мероприятия. Мне хотелось, чтобы вы в контакте нашли взаимопонимание и вместе решили встречу этого события, столетия». Вот так, как вы сейчас на меня смотрите, на меня смотрит Любимов: «На хрена нам это все? Мы все придумали, у нас уже все готово. И они же...»

” И вдруг слова Рындина, художника: «Екатерина Алексеевна, вы представляете, наши братские партии приедут на юбилей Владимира Ильича Ленина, а у нас ни падуг, ни кулис нету. Подумают — какая же мы бедная страна!»

И вот раздолбали наш... «А потом, что это за издевательство? Карандаш — это комик в цирке! А вы на юбилей Владимира Ильича!» То есть вот так, как вы сейчас на меня смотрите, смотрит на меня Юрий Петрович, говорит: «Екатерина Алексеевна! Так изумительно сейчас нам рассказали, какая вам нужна встреча, какой-нибудь концерт замечательный... Нам здесь делать нечего. Николай Лукьянович?» Я говорю: «Да, я считаю, что у них все замечательно. Давайте традиционно». Екатерина Алексеевна так вздохнула, что пронесло, пронесло ее это издевательство над революцией, издевательство над всеми, что творится... Ну и состоялся тот же юбилей Владимира Ильича Ленина, все традиционно.

Сотрудничество с финнами

Конечно, она была в очень тяжелом состоянии, очень. И страна была в очень тяжелом состоянии. Просто трудно сейчас представить, когда идет стройка, и мы не можем добиться, значит, ста тысяч долларов, чтобы закупить девятьсот кресел в Финляндии. Мы трижды были в Финляндии на гастролях. У нас такие сложились контакты и с президентом, президент приходил... Замечательная была фотография в финской газете. «Десять дней, которые потрясли мир». Значит, на президента были направлены ружья. Ну, фотография сама в зрительный зал направлена, а президент в это время улыбался. И после спектакля за кулисами он пригласил на маленький такой междусобойчик, рассказывал и подарил нам ручки, какие-то сувениры, цветы, подарил и сказал, что он очень доволен, что он побывал. Потом мы второй раз были с ними. Даже спектакль «Борис Годунов»... Вот как надо работать!

Н. С.: Но спектакль «Борис Годунов» был гораздо позже, это конец 70-х годов.

Н. Д.: Да какая разница! Мы сейчас говорим о Театре на Таганке. Я же не могу, чтоб вы так по дням... Я просто говорю, какие финны молодцы, какие у них театры, какие условия для творчества, как нам удалось найти с ними контакты. Как удалось контакты найти с финским банком. У нас были какие-то человеческие контакты со всеми, с кем бы мы ни были, где бы ни были на гастролях. Тут я уже, кажется, рассказывал вам. Вот директор фабрики, он бывший актер. Как едет в Москву, обязательно звонит: «Николай! Я у тебя буду сегодня!» — «Сколько билетов?» — «Четыре нас будет». И после спектакля опять посиделки, опять разговоры. Я вам рассказывал, как он мне доказывал, что такое коммунизм и что такое капитализм? Я, кажется, рассказывал.

Н. С.: Нет, не рассказывали.

Н. Д.: «Поехали поужинаем». Мы подъезжаем к ресторану. Он что-то говорит своему шоферу, что, мол, поезжай. А я говорю: «Слушай, а как же мы доберемся?» Он по-русски говорил. Говорит: «Николай, сколько мы будем с тобой в ресторане? Сколько времени?» Я говорю: «Час-полтора, наверное, не больше». — «Так вот, он мне за полтора часа будет стоить сто тридцать марок. Полтора часа он будет ждать меня. Почасовая оплата у него работает. А кончится наш ужин или обед, я вызову такси, и нас до твоей гостиницы довезут за два доллара. Не сто, а за два доллара. Вот ты теперь понимаешь, что такое коммунизм и что такое капитализм?»

Кажется, я вам это рассказывал. Про моих друзей. И он нам сократил цену из любви к русскому театру, к Театру на Таганке, сократил цену в два раза. В это время Дупака снимают с работы и отправляют... Меняем мы. Юрия Петровича директором не сделали, а Когана... Ну, конфликтная ситуация у меня.

Н. С.: А из-за чего у вас с ним такие разногласия?

Н. Д.: Ну, были разногласия. Мне кажется, сейчас на эту тему...

Н. С.: Интересно же.

Н. Д.: Ну, он выдающийся, он великий, но, к великому сожалению, иногда в нашей жизни женщины играют не самую лучшую роль, в жизни семьи и особенно в жизни коллектива. Жена есть жена. Вы знаете это изречение?

Н. С.: А кто был тогда? Тогда уже Каталин появилась?

Н. Д.: Да, да, да.

Н. С.: Это в каком году?

Н. Д.: Вы знаете, я сейчас...

Юрий Любимов и Николай Дукак принимают поздравления к 15-летию Театра на Таганке. 1979. Автор Анатолий Гаранин. РИА Новости

Появление Владимира Высоцкого в Театре на Таганке

Н. С.: Николай Лукьянович, вы не рассказали, как Высоцкий в театре появился.

Н. Д.: Ну, может, отдельно... Как появился? Конечно, очень много неправды. И мне сейчас заявлять, в чем истина... Ну, как я вам?.. Я могу только свою позицию по этому поводу высказать. Удивительно интересная человеческая актриса Тая Додина. Она училась вместе с Володей Высоцким в Школе-студии МХАТ. Точно так, как он учился вместе с... Когда я говорил: «Володь, у тебя много друзей», — он говорил: «Только вот один друг...» Я потом вам скажу. Его отец — актер, замечательный актер. Не могу сейчас... Виталий? Валерий?

Н. С.: Всеволод?

Н. Д.: Всеволод! Сева Абдулов! Вот спасибо. Абдулов. Он, когда вот там мы... «Слушай, Николай Лукьянович, не обращай на них внимания! Столько друзей, что не дай бог. Я даже не знаю, как зовут их, а все друзья. Вот еще мне помогает этот...» Золотопромышленник, капиталист. Он помогал все время. Не то Токарев... Он и сейчас в совете, он рестораны...

Н. С.: Так как он в театре оказался? Вы так и не рассказали, как Высоцкий попал в Театр на Таганке.

Н. Д.: Тая Додина вместе с ним училась, несколько раз приходила ко мне и говорила: «Николай Лукьянович...» Она была ведущая актриса, играла уже в спектаклях, вот «Микрорайон» и еще... «Возьмите Володю Высоцкого! Он очень человек хороший! Он стихи пишет. Но у него как-то немножко с жизнью не получается». Его пригласил Равенских Борис Иванович — это мой первый режиссер в Театре Станиславского, где он впервые поставил спектакль «На белом свете» Нилина, где я играл Героя Советского Союза. Значит, я говорю: «Тая, ну куда? Ты видишь — в штате пятьдесят человек. Когда мы приняли всю вахтанговскую школу, щукинцев, всех приняли, у нас семьдесят пять, а денег только на пятьдесят. Трудно. Ну ладно, пусть покажется. Все-таки надо посмотреть, что это. Пусть покажется». Ну и пришел. Я говорю: «Юрий Петрович, Тая Додина просила посмотреть актера Высоцкого, который учился, и не получилось у него, к сожалению, в Пушкинском театре, потом в Театре миниатюр не получилось. Она его очень рекомендует, кроме того, что он актер хороший, он еще и поэт. Он много песен пишет и владеет хорошо гитарой». — «Ладно, назначайте, ладно. Вам своих алкашей недостаточно, да? Еще одного хотите алкаша принять?» Я говорю: «Юрий Петрович, ну что мы теряем? Ну, полчаса, час максимум. Посмотрим и решим тогда. Да — да, нет — нет».

В общем, они показали нам Горького, «Челкаш», вместе с этим... Господи, все забываю фамилию. Не очень так, средненько. Так многие могут сыграть, как они сыграли этот отрывок Горького. Юрий Петрович говорит: «Спасибо». А потом говорит: «А вот вы с гитарой... Тая говорит, что вы...» — «Да-да». — «Это чьи стихи? Вот вы на чьи поете?» — «Мои». — «Ну, можете вы, пожалуйста». Раз, снял эту гитару, брень-брень-брень, пропел одно стихотворение... У меня было где-то даже записано. Потом второе. Юрий Петрович: «Спасибо, спасибо». — «Пожалуйста».

Вы в театре были? Знаете, у нас лестница служебная, можно через фойе пройти, можно по служебной. Поднимаемся на второй этаж. «Николай Лукьянович, что, вам своих алкашей мало?» — «Юрий Петрович, мне кажется, все-таки... Нет-нет, я не знаю, не знаю». — «Ну, вы директор, вы решаете». Вот в таком, значит, «решайте». Я говорю: «Юрий Петрович, все-таки я ощущаю, что где-то в нем заложен темперамент. Мы не увидели еще этого. Вы будете возражать, если я с ним заключу договор на три месяца, допустим? А через три месяца пусть... Да — да, нет — нет. Это нам будет стоить, там, тысячу рублей,

полторы тысячи рублей за все из нашего бюджета». — «Ну, это ваши дела. За кадры вы отвечаете. Делайте, как хотите».

Ну, я приглашаю его, говорю: «Я могу с вами на сегодняшний день заключить на три месяца договор. Потому что у нас сверх штата двадцать с лишним человек народу». Он говорит: «Спасибо». Ну и заключаем.

Первая его работа в «Добром человеке из Сезуана» — это племянник был, ну, Шуй Та или это там... Эпизод такой был. А потом следующая работа — «Герой нашего времени». Вот это к юбилею Лермонтова. Мы к 150-летию поставили спектакль. Кстати говоря, автором композиции и драматургии была Целиковская Людмила Васильевна. Она очень помогала Юрию Петровичу. Вообще был период, когда она очень где-то... Очень уважительно относилась к театру, к актерам. Очень уважительно относилась к Раисе Михайловне, моей супруге. Мы даже вместе отдыхали, в Щелыково ездили на машине. У меня была машина. Потом случилось, что я опоздал, говорю: «Машина меня подвела». — «А вы возьмите нашу „тройку“». Вот там стоит». То есть вот такие были отношения. То есть одна семья, одни заботы, одни дети, — всё. Потом появились удивительно интересные писатели. Эрдман появился.

Владимир Высоцкий (второй слева) в спектакле «Добрый человек из Сезуана»

Сбор поэтов-фронтовиков к 19-летию Победы

Н. С.: А Вознесенский когда в театре появился?

Н. Д.: Вознесенский появился на вечерах поэтов, когда в 19-летие Победы удалось нам собрать... Ну, я не хочу говорить: «Мне удалось собрать». Конечно, очень хочется «мне удалось собрать». Нам удалось собрать поэтов-фронтовиков. И помогли нам, дружили со всеми... Ну и Твардовский, и Симонов, и Слуцкий... В общем, все-все-все фронтовики. Все ходили на «Доброго человека из Сезуана». И вот к 19-летию Победы те стихи, которые я часто читаю, что «Тот самый длинный день в году», потом «Я убит подо Ржевом» Твардовского, потом Симонов, потом «Давайте после драки»... Я говорю: «Юрий Петрович, это же готовый спектакль! Давайте к 20-летию Победы мы поставим этот спектакль». Мы вместе с поэтами, с писателями составили сценарий, составили спектакль, пьесу. Показали — нам запрещают. И это запрещают, и это запрещают, и это запрещают, и это запрещают.

Н. С.: Так вы же за цензуру?

Н. Д.: За.

Н. С.: Ну вот. Значит, правильно запрещали?

Н. Д.: Вы знаете, понятия «правильно», «неправильно»... Там, где касается политики, — это одна цензура. А там, где касается гомосексуализма и там гомо, гомо, гомо, гомо, гомо, гомо и гомо, и еще раз гомо, — там должна быть...

Н. С.: Николай Лукьянович, вы про Вознесенского начали рассказывать. Там же потом пошел уже спектакль. Давайте к Вознесенскому вернемся. Он в театре появился вот к 20-летию Победы, да?

Н. Д.: Ну, в основном Евтушенко, Вознесенский, Слуцкий. Все же они были пацаны, молодые ребята. Молодые тянулись в поэзию, потянулись в театр...

Н. С.: Все-таки их популярность — это раньше, это конец 50-х годов, когда Политехнический музей, все эти вечера поэзии. То есть они уже к этому моменту были очень известные поэты.

Н. Д.: А я разве говорю, что были неизвестные поэты? Поэты были. Вы же хотите меня навести, как получился спектакль «Павшие и живые», как получились «Антимиры», как получилось «У войны не женское лицо», как получилось...

Творческий вечер Андрея Вознесенского. Спектакль «Антимиры»

Н. С.: Как «Антимиры» появились?

Н. Д.: Как «Антимиры» появились? Меня просили организовать Вознесенскому творческий вечер. И мы организовали после вечернего спектакля, в десять часов творческий вечер Андрея Вознесенского. Ну, были недовольны очень. Значит, Андрей выступал...

Рим гремит, как аварийный

отцепившийся вагон.

А над Римом, а над миром

Новый год!

Вот это его знаменитое стихотворение. Потом читал Хмельницкий, потом Высоцкий. Вот такой коллаж, поэтический коллаж: и Хмельницкий, и Высоцкий, и Леня Филатов. В общем, вот такое. Мне влетело по первое число за такое... Это было бесплатное, не платное. Это творческий вечер такой был. Это мы не за деньги...

Во время премьеры спектакля «Антимиры». На переднем плане Владимир Высоцкий, Андрей Вознесенский и Юрий Любимов. 1965. Автор Ю. Королев. Источник фото: Главархив

Н. С.: А как было попасть вот на такие?.. Вот как публика попадала на такие творческие вечера?

Н. Д.: Ну, приглашаются друзья, знакомые.

Н. С.: То есть это только для знакомых, для друзей.

Н. Д.: Кому-то мы звонили, что вот нам интересно, у нас вечер. Я звонил своим друзьям: «Приходите, ребята, приводите своих друзей, наших друзей-фронтовиков».

Н. С.: Попасть-то было невозможно, попасть просто с улицы рядовому зрителю на такой вечер.

Н. Д.: Так всего шестьсот мест, а желающих было... У нас было несколько таких мероприятий, которые, не знаю, обалдеть можно. Я сейчас перескакиваю на другую стезю. Я очень сожалею, что разорили Театр драмы и комедии. Очень сожалею, что в свое время, царство небесное, Юрий Петрович решил приватизировать театр старый. Очень сожалею, что это случилось. Мое предложение было... Ведь они после всего, что случилось в театре, написали письмо. Вы читали это письмо?

Н. С.: Да.

Н. Д.: Сто восемьдесят человек подписало, чтобы я вернулся и так далее. К великому сожалению, наверно, не та муха укусила, значит, с какой-то стороны Жанну Андреевну, и Николая Николаевича какая-то муха укусила, может, даже и не муха... Приняли агрессивно, хотя они подписали это письмо. Ну, короче говоря, мне была отведена роль — «приди, подай, пошел вон!»

То, что я хотел сохранить единый коллектив, единую труппу. У них два здания всего-навсего: частное здание Юрия Петровича и государственное здание Губенко, допустим, современного «Содружества». Единая труппа. Нужно Любимову, я не знаю, Губенко — Галина Власова, завтруппой, решает, кого куда направить. То есть единая труппа так же, как там было. Ведь играли мы и в старом, и в новом помещении Театра драмы и комедии, но труппа единая. Там «Содружество» называлось,

а здесь — Театр драмы и комедии. Труппа единая, а помещения, финансовые всякие дела, если это будет частное, — это немножко другая тема.

Я пришел, а потом так случилось, что до сих пор мы не можем наладить контакты с Николаем Николаевичем. То есть то, что они творят, — это уму непостижимо. Это на мой взгляд. То есть театра нет.

Н. С.: Ну, театр плохой.

Н. Д.: Есть сцена, есть зрительный зал, который испортили: выбросили финские кресла, сделали мягкие кресла. Закрыли эту знаменитую... Стена, вы помните, опускается, поднимается. Заложили все это, все сняли. Радиоэффекты там были — вот там выстрел, а под каждым зрительным креслом были динамики. Кран-балка ходила. Там уникальное... То есть загубили лучший театр мира. Теннисный корт на крыше или летний театр. Все поднималось, опускалось, ходило.

Н. С.: Николай Лукьянович, вы так и не рассказали про «Антимиры».

Н. Д.: Шел спектакль, его запретили, мне дали выговор. Я объявил, что мы играем спектакль. Афиша есть. Апексимова или кто-то, все мои афиши выбросили.

” В афишах я поставил: «Спектакль „Антимиры“ мы играем в Фонд мира для голодающих детей Эфиопии». Вот такую афишу выпустил я. Я говорю: «Вы что, возражаете, чтобы мы помогли детям Эфиопии?» Я всегда находил вот какие-то такие...

Преодоление запрета на спектакль «Павшие и живые»

Точно так, как мы пришли, а уже заседают, чтобы запретить «Павшие и живые». «Какие у вас претензии к спектаклю?» — «Вот такое впечатление... Там у вас Шнеерсон, Рабинович... Такое впечатление, что войну выиграли только евреи». — «Хорошо. Дайте экземпляр, пожалуйста. Не, ну дайте вы экземпляр. У вас Криушенко, цензор главный...» Я беру этот экземпляр, вычеркиваю Рабиновича, пишу: «Иванов, Петров, Сидоров». «Пожалуйста. Это вас устраивает?» — «Вот Багрицкий воюет, а мать сидит в ГУЛАГе, и там каждое письмо... Он стучит, Колокольников, ружьем по полу и вручает ей письмо, и он пишет: „Мама! Очень хочется победить немцев и Комитет по делам искусств, чтобы никакой чиновник не мешал нам работать“. Как это? Нет, мы категорически...» — «Хорошо, мы это говорить не будем». Я вычеркиваю. Юрий Петрович: «Николай Лукьянович!» Я говорю: «Юрий Петрович, дорогой мой! Ведь кто у нас единоначальник? Вы художник, но я все-таки отвечаю же. Я в основном ставлю последнюю строчку, финансовый приказ-то я все-таки подписываю. Ну, иногда и вы подписываете. Этого говорить мы не будем. Какие еще?..» Еще два-три замечания вот такого плана. «Какие еще претензии к нам, скажи? Какие претензии еще к театру? Что вам не нравится?» — «Ну, вы знаете, мы... Хорошо, хорошо. Мы этот спектакль можем разрешить только Театру драмы и комедии». — «О! А за это особое спасибо от театра, что этот спектакль будет идти только в Театре драмы и комедии на Таганке». — «В Театре драмы и комедии». — «На Таганке. Адрес я же говорю. Ведь где — не на Петровке, а на Таганке. Что еще? Какие еще к нам претензии, дорогие мои, хорошие?» Они два часа сидели, вырабатывали позицию. «Какие еще?..» — «Ну, там...» — «Хорошо, это мы говорить не будем, это мы говорить не будем. Так. Еще что? Что еще? Все, больше никаких замечаний?» — «Мы эту пьесу, этот спектакль можем разрешить только Театру драмы и комедии». — «А за это особое спасибо вам. Спасибо. Благодарим. Есть замечания?» — «Нет замечаний». — «Спасибо большое».

Ну, они уходят, расходятся. Криушенко: «Николай Лукьянович, завтра зайдите с утра!» — «Какое „с утра“? Сейчас! Пошли сейчас с вами! Я не уйду, покамест вы не напишете „разрешаю“ и печать не поставите!» — «Николай Лукьянович, ну завтра. Конец дня, уже обед...» Я говорю: «Вот дайте разрешение, и мы пообедаем. Кстати говоря, нас ждут на Американской выставке в Сокольниках. Они обещали по закрытию выставки все афиши, плакаты, ковры, все передать Театру драмы и комедии на Таганке». Наконец мы, Юрий Петрович слева, а я справа, довели его до кабинета и сказали, что мы не уйдем, покамест вы не поставите печать.

Звоним: «Разрешили. Объявляйте спектакль. Ставьте оформление». Мы поехали на американскую выставку, сегодня последний день. Нас встречает директор выставки вместе с Давидом Петровичем Любимовым, старшим братом Юрия Петровича Любимова. Удивительный, добрый, умный, талантливый человек. Руководитель управления канцелярских товаров и игрушек. Его очень любил Косыгин Алексей Николаевич. Который у нас впервые открыл вот такие товары, как и куклы, как и новогодние всякие, и блокноты... Поехали туда, хорошо пообедали, посмотрели выставку. Все, что вот тут вот: плакаты, ковры — все это на Таганку. Привезти сегодня уже мы не сможем, завтра все привезем.

В семь часов начало. Приезжаем к шести часам в театр. Раньше не надо приезжать. Приезжаем — зрителей не пускают. Михаил Сергеевич Шкодин, заместитель начальника управления культуры, сказал: «Николай Лукьянович, я от Родионова Бориса Евгеньевича. Сегодняшний спектакль мы запрещаем. И вас завтра приглашают в управление культуры». А декорации разобрали. Я говорю: «Кто разобрал?» — «Мой заместитель Улановский». Я говорю: «Ефим! Позовите сюда Ефима. Кто вам разрешил разбирать оформление?» — «Николай Лукьянович, приказ Родионова, приказ Шкодина. Я выполняю». — «Немедленно поставьте оформление, и в семь часов должен начаться спектакль». Начинается спектакль, когда поет сирена, тревога, и начинается спектакль «Павшие и живые» таким образом.

О своих помощниках

У меня была секретарша Елизавета Иннокентьевна, удивительная секретарша, удивительная, умница, жена посла Авалдуева.

Как она мне помогала! Я прихожу на работу. «Николай Лукьянович! Вот этому не звоните. Этому не звоните. Этому — обязательно сейчас. Я соединяю. И вот этому позвоните, там решаются вопросы с квартирами и так далее». То есть вот таких помощников, которые у меня были... И был период — Юрий Петрович очень помогал. Был период Безродного Якова Михайловича. Елизавета Иннокентьевна. Левина Элла Петровна — зав литературной части. Удивительно много. Работники аппарата, помощники президента, помощники председателя. Если в восемь часов утра меня принимал Промыслов, мэр Москвы, в отношении денег... Мне нужна была тысяча долларов, чтобы оплатить мебель. Стоила пятьсот тысяч. Финны за тысячу долларов согласились нам продать восемьсот кресел, которые завоевали первое место театральных кресел по экологии... Потом эти кресла выбросили — Николай Николаевич Губенко — и поставили мягкие кресла, и сократили зрительный зал на двести мест. А там была трансформация, кран-балка, все поднималось, опускалось.

В ожидании президента Ричарда Никсона

Н. С.: Николай Лукьянович, расскажите, как президент Никсон в Театр на Таганке приходил.

Н. Д.: Не приходил он, к сожалению.

Н. С.: Как?

Н. Д.: Не приходил. Тревога: Никсон вместе с Леонидом Ильичом Брежневым собираются посетить «Десять дней, которые потрясли мир». Театр закрывают на десять дней, делают ремонт, делают уборную специально для президента Никсона на втором этаже.

Н. С.: А для генсекретаря Брежнева не делали отдельную уборную?

Н. Д.: Нет, не делали.

Н. С.: Нет? Только для Никсона? Понятно.

Н. Д.: Ну и вот, ждем. Трагический случай. Мы сняли — я до сих пор простить себе не могу. Ну почему так ведет себя? Он много... Евтушенко. Поставили мы спектакль «Под кожей статуи Свободы». Вы, наверно, не слышали про такой. Это потрясающий спектакль, очень современный, на сегодняшнюю тему. Он просто блистал! Я тут года два тому назад звонил и Губенко, и Любимову еще при жизни, но не получилось, к великому сожалению. Этот спектакль начинался... Зрительный зал садился. Входили двадцать полицейских, выгоняли с первого ряда всех, садились в первый ряд и палкой стучали. Такое из металла сделанное оформление. «Начинайте!» И начинался вот так вот спектакль — анти, анти и анти.

Спектакль «Под кожей статуи Свободы» поэта Евгения Евтушенко в Театре на Таганке. 1972. Автор Анатолий Гаранин. РИА Новости

Н. С.: Анти что?

Н. Д.: Американский, против Америки, против вот того, что сейчас они вытворяют. Он так современен, этот спектакль. И вдруг звонят: «Леонид Ильич сказал — не дразните американцев, снимите спектакль временно». Ну, сняли этот спектакль. Я несколько раз обращался к Евтушенко: «Давайте мы поставим этот спектакль». Он так блистал бы сейчас. Все спектакли — проследите те сорок спектаклей, которые были поставлены до 90-го года. Все спектакли аншлаговые. Не было ни одного... Был один спектакль, два даже спектакля было. Был один спектакль, который назывался... Фоменко Петр Наумович, царство небесное, очень талантливый. Шесть артистов — шесть! — с Театра на Таганке вышли в главные режиссеры. Царство небесное Фоменко, царство небесное Арцибашеву. Слава богу, живущий Вилькин, живущий Погребничко. В общем, все свои театры построили. Так мы создали не только свой, но и дали возможность...

Н. С.: Калягин же еще, Калягин тоже из театра?

Н. Д.: И Калягин, да-да-да. Он приходил, советовался: «А как это? А как это? А как это? А как это?» Я говорю: «Собирай себе друзей, друзей из правительства. Помощников собирай. Через них. Не пиши длинные письма. Пиши на полстранички,

крупным текстом». Научил. Как меня учили работать с чиновниками, так и я старался учить своих заместителей. И почти все имеют свои театры. Все, но никто из них меня никогда не пригласил на свои спектакли. Спесивцев однажды пригласил, но в связи с тем, что Гусев, редактор газеты, сказал: «А Дупак смотрел этот спектакль?» — «Нет». — «Пригласи Дупака». И потом он выпустил очень интересную статью по поводу...

Н. С.: Николай Лукьянович, давайте тогда мы на этом сегодня закончим, а в следующий раз продолжим.